

своими несчастными нервами и что каждая буква стоила мне капли крови, то это, право, не будет преувеличением». Внутренней жизни Гаршина мы не знаем, «...многие обстоятельства жизни Гаршина остаются пока неразъясненными, — говорит Скабический, — и полная его биография возможна будет лишь в более или менее отдаленном будущем». Но несомненно, что происходившая тогда террористическая политическая борьба тяжело отозвалась на нем и глубоко мучила его нежную, впечатлительную натуру. В 1880 году, после покушения Млодецкого на Лорис-Меликова, когда Млодецкий был приговорен к повешению в 24 часа, Гаршин ходил ночью к «диктатору» и настаивал на том, чтобы казнь не была совершена. После этого, глубоко потрясенный, он поехал в Москву, скитался по средней России, пропал без вести, и, когда был разыскан, его пришлось опять свезти в лечебницу для душевнобольных. Но и помешательство его не было полною потерей сознания. Он мучился все теми же вопросами о счастье человечества, о средствах его достигнуть, и его потрясающая поэма «Красный цветок», где помешанный делает невероятные усилия, чтобы вырваться из-под надзора сторожей, разорвать свои путы и уничтожить «красный цветок» — вину всего зла, эта поэма — страница из его собственной биографии.

В 1882 году он выздоровел и снова был в Петербурге. Он даже женился, но пять лет спустя болезнь снова взяла верх, и он покончил с собою в начале 1888 года.

Тургеневские рассказы полны поэзии; то же составляет отличительную черту рассказов Гаршина; та же простота, та же философская грусть и нежность, та же удивительная гармония настроения. Автор виден в них, но только светом лихой грусти, которую — если увидел поразительно красивые портреты Гаршина — нельзя отделить от его грустного взора.

За рассказом «Четыре дня» последовало несколько других из боевой жизни: «Трус», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Боевые картинки», — все три чрезвычайно талантливые.

В Гаршине, как и в Тургеневе, несомненно, жил художник-живописец вместе с художником-литератором, и он всегда следил с любовью за русскою живописью, писал прекрасные обозрения выставок и водился с художниками.

Наиболее обработанными и психологически-глубокими его рассказами являются «Надежда Николаевна» и «Художники», оба из этой жизни. И в этих рассказах Гаршин отразил два главных течения своего времени. Рябинин, вопреки всем академическим традициям, пишет «глухаря» — рабочего, на груди которого забивают на железных заводах заклепки котлов, — и, написавши поразительную картину, он бросает живопись и идет в сельские учителя. А другой художник пишет с Надежды Николаевны «Шарлотту Корде», причем невольно спрашивает себя: не поставлено ли было имя французской жирондистки — орудия реакции — на место какого-нибудь другого, русского имени? По глубине и тонкости психологического анализа, по красоте формы и всей архитектуры, по разработанности подробностей и общему впечатлению целого оба эти рассказа составили бы украшение всякой литературы.

То же должно сказать о такой чудно поэтической сказке, как «*Atalea princeps*» — история пальмы, рвущейся на волю из-под стекол теплицы и срубленной за это. По поэтической своей форме эта сказка не уступает лучшим сказкам Андерсена. В русской литературе, у Кота Мурлыки (Н. П. Вагнер, род. 1829), есть такие же поэтические сказки, но они менее понятны детям, тогда как у Гаршина, несомненно, был большой талант, чтобы писать сказки именно для детей, но захватывающие за живое и «больших».

Дмитрий Мережковский (род. 1866) точно так же может служить примером тех затруднений, которые встречает художник, одаренный незаурядным талантом, и достижении полного развития, при тех социальных и политических условиях, которые преобладали в последнее время в России в указанный период. Не касаясь его стихотворений — хотя они также очень характерны — и взяв лишь его повести и критические статьи, мы увидим, как начав свою писательскую карьеру с некоторой симпатией или, по крайней мере, с известным уважением к тем русским писателям прошлого поколения, которые работали под вдохновением высших социальных идеалов, Мережковский постепенно начал относиться к этим идеалам с подозрением и в конце концов стал презирать их. Он нашед их бесполезными и начал все чаще и чаще говорить о «самодержавных правах личности», но не в том смысле, как что понималось Годвином и другими философами XVIII века или Писаревым, когда последний говорил о «мыслящем реалисте». Мережковский взял эти «права» в том смысле — чрезвычайно смутном, а когда эта смутность отсутствует, очень узком, — который им придал Ницше. В тоже время он начал все более и более говорить о «Красоте» и «поклонении Прекрасному», но опять-таки не в том смысле, какой этим выражениям придавали идеалисты, но в ограниченном, эротическом значении, как они